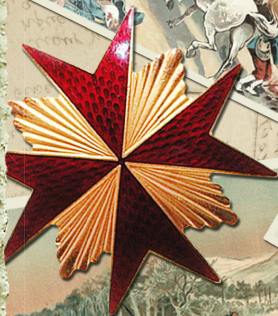

• КУЧКОВО ПОЛЕ •

А. В. Квитка
Дневник
забайкальского
казачьего офицера

1904—1905

ВОЕННЫЕ

МЕМУАРЫ

Андрей Валерьянович Квитка
Дневник забайкальского
казачьего офицера. Русско-
японская война 1904–1905 гг.
Серия «Военные
мемуары (Кучково поле)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29818854

*Дневник забайкальского казачьего офицера: Русско-японская война 1904-1905 гг. / Квитка А. В., Вступ. ст. и коммент. С. И. Дробязко: Кучково поле; Москва; 2016
ISBN 978-5-9950-0599-5*

Аннотация

Публикуемый текст дневника А. В. Квитки, посвященного Русско-японской войне, подготовлен на основе ежедневных записей, сделанных «по горячим следам». Автор день за днем описывает военные события, участником которых ему довелось быть. Дневник написан прекрасным языком, читается на одном дыхании, местами приправлен легкой самоиронией и тонким юмором. На страницах дневника предстают яркие и красочные описания различных сторон военных будней русской армии, природы Маньчжурии и быта местного населения, оценки

происходящих событий и действующих лиц Русско-японской войны, а также краткие или развернутые характеристики сослуживцев автора.

Содержание

Вступление	6
Часть I	13
Конец ознакомительного фрагмента.	65

**Андрей
Валерьянович Квитка
Дневник забайкальского
казачьего офицера:
Русско-японская
война 1904–1905 гг.**

Печатается по изданию:

*Квитка А. В. Дневник забайкальского казачьего офицера:
Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1908*

Вступление

Полковник Квитка и его дневник

Андрей Валерьянович Квитка происходил из старинного рода малороссийских казаков с Харьковщины. Его предки в XVIII столетии были полковниками Харьковского и Изюмского слободских казацких полков, родной дед, Андрей Федорович – сенатором и харьковским губернским предводителем дворянства, а двоюродный дед, Григорий Федорович Квитка-Основьяненко – известным украинским писателем. А. В. Квитка родился в 1849 (по другим данным, в 1851) году в семье отставного гвардии штабс-капитана Валерьяна Андреевича Квитки и дочери военного лекаря Елизаветы Карловны (урожденной Гирш). Позже в семье Квиток родился еще один ребенок, младший брат Андрея – Валерьян.

В 1868 году после окончания учебы в Пажеском корпусе, элитном военном учебном заведении Российской империи, А. В. Квитка был произведен из камер-пажей в корнеты и поступил в лейб-гвардии Конный полк. В 1872 году он получил чин поручика, а два года спустя – штабс-ротмистра и назначение на должность личным адъютантом командующего войсками Харьковского военного округа с зачислением по армейской кавалерии майором.

С началом Русско-турецкой войны 1877–1878 годов А. В.

Квитка отправился в действующую армию и был прикомандирован вначале к 29-му Донскому казачьему полку, а затем к штабу 9-го армейского корпуса. Он особо отличился 30 августа 1877 года при взятии Гривицкого редута румынскими и русскими войсками в ходе третьего штурма Плевны: «Во время блистательной атаки Гривицкого редута, в самый критический момент, когда перед наступавшими выросла стена его, Квитка пошел так беззаветно и энергично, что всех увлек за собою, – иначе пункт этот обошелся бы нам гораздо дороже. Он в числе первых вскочил на бруствер редута вместе с флигель-адъютантом Шлиттером». В этой атаке Квитка получил ранение: «Майор Квитка, как говорят, вскочил верхом на неприятельскую пушку, но отделался лишь легкой огнестрельною ранюю в подмышку, без повреждения сочленений» (*Старчевский А. А. Памятник Восточной войны 1877–1878 гг., заключающий в себе в алфавитном порядке биографические очерки всех отличившихся, убитых, раненых и контуженных: генералов, штаб- и обер-офицеров, докторов, санитаров, сестер милосердия и отличившихся рядовых. СПб., 1878.*)

Заслуги А. В. Квитки в турецкую кампанию были отмечены производством в чин подполковника, награждением орденами Владимира 4-й степени с мечами, Анны 2-й степени с мечами и золотым Георгиевским оружием (за мужество при взятии Гривицкого редута). Впоследствии он опубликовал свои воспоминания о Русско-турецкой войне («Записки ка-

зачьего офицера»), вышедшие отдельной книгой в 1903 году. В дальнейшем подполковник А. В. Квитка принимал участие в Ахалтекинской экспедиции в Туркмению под началом генерала М. Д. Скобелева (в 1880–1881), проходил службу в Башкирском конном полку и Хоперском конном полку Кубанского казачьего войска и вышел в отставку в 1884 году.

Примерно в конце 1880-х годов Андрей Валерьянович женился на Вере Дмитриевне Мартыновой, родной племяннице Н. С. Мартынова, участника трагической дуэли с М. Ю. Лермонтовым 15 июля 1841 года. Брак оказался бездетным.

Находясь в отставке, значительную часть времени А. В. Квитка проводил в Италии и Южной Франции (из-за «непереносимости российских зим»), охотился на лис в окрестностях Рима, путешествовал, катался на яхтах. В Париже Андрей Валерьянович работал в художественной академии Жюлиана, а в 1897 году по представлению князей Трубецкого и де Маврокордато стал постоянным членом Клуба артистического Союза. Это был элитный клуб, членами которого являлись равнодушные к искусству представители мировой аристократии. С этого времени подполковник принимал активное участие во всех мероприятиях, устраиваемых клубом в Париже: выставках, концертах, вечерах и т. и.

Помимо собственности за границей, А. В. Квитка приобрел имения на Черноморском побережье Кавказа, теплый климат которого как нельзя лучше подходил для него. Одно из них находилось в районе Туапсе, другое – между Со-

чи и Хостой. В своих новоприобретенных имениях супруги Квитки активно занимались виноделием, участвовали в выставках, а сам Андрей Валерьянович стал членом наблюдательного совета Варваринского училища плодоводства, виноградарства и виноделия.

В 1904 году, с началом Русско-японской войны, уже немолодой подполковник запаса подал прошение о направлении в действующую армию. Прошение было удовлетворено, и Андрей Валерьянович получил назначение во 2-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска в чине войскового старшины на должность помощника командира полка по строевой части. Его супруга, Вера Дмитриевна, также отправилась на театр военных действий в качестве сестры милосердия в санитарном поезде императрицы Александры Федоровны.

С мая по ноябрь 1904 года А. В. Квитка участвовал в боевых действиях в составе отряда генерал-майора П. К. Ренненкампа, действовавшего на левом (восточном) фланге русской Маньчжурской армии, а затем, в ноябре-декабре того же года находился в 1-м Верхнеудинском полку Забайкальского войска в отряде генерала П. И. Мищенко, который обеспечивал прикрытие русского правого (западного) фланга. В январе 1905 года, находясь на лечении в госпитале, он получил известие о присвоении ему чина полковника. Но участвовать в боях с японцами Андрею Валерьяновичу более не довелось. Из-за развившегося плеврита в марте того

же года он был эвакуирован из Харбина в Россию, получил разрешение выехать для лечения за границу, а в августе, по заключении мира с Японией, второй раз вышел в отставку.

В биографической справке в альбоме «Белая Армия. Фотопортреты русских офицеров 1917–1922» (YMCA-PRESS, 2007) говорится об участии А. В. Квитки в Первой мировой войне в рядах лейб-гвардии Конного полка и в Гражданской войне в составе Добровольческой армии, однако, принимая во внимание уже преклонный к тому времени возраст и состояние здоровья Андрея Валерьяновича, в эти утверждения трудно поверить. Опубликованный в том же альбоме фотопортрет А. В. Квитки, где бравый полковник с повязкой на левом глазу запечатлен в защитной фуражке и френче со стояче-отложным воротником, при погонах и орденах, можно датировать периодом 1916–1920 годов и позднее, однако поскольку офицеры выходили в отставку с правом ношения формы, эта фотография вовсе не означает того, что он занимал в тот период какую-то официальную должность.

Из воспоминаний князя Ф. Ф. Юсупова-старшего, с чьей семьей А. В. и В. Д. Квитки были дружны, нам известно, что начало Гражданской войны застало супругов на черноморском побережье Кавказа, откуда им с невероятным трудом порознь удалось перебраться в Крым, а затем (скорее всего, в 1919) выехать в Италию. Последние годы жизни Андрея Валерьяновича прошли на одной из двух принадлежавших им с Верой Дмитриевной вилл в окрестностях Рима, где он

скончался в 1922 или 1923 году. Вера Дмитриевна пережила мужа на 20 лет. Она умерла в Венеции в 1943 году.

Опубликованный текст дневника А. В. Квитки, посвященного Русско-японской войне, подготовлен на основе ежедневных записей, сделанных «по горячим следам». Автор день за днем описывает военные события, участником которых ему довелось быть. Дневник написан прекрасным языком, читается на одном дыхании, местами приправлен легкой самоиронией и тонким юмором. Хронологические рамки, охватывающие период протяженностью чуть более года (с 11 апреля 1904 по 25 апреля 1905), включают действия 2-го Нерчинского полка на Фыншуйлинском перевале, бои за Саймацзы, Сяосырь, Бэнсиху, Чинхэчен, на Шахэйском направлении, участие 1-го Верхнеудинского полка в набеге на Инкоу, в боевых действиях под Сандепу.

На страницах дневника мы встречаем яркие и красочные описания различных сторон военных будней русской армии, природы Маньчжурии и быта местного населения, оценки происходящих событий и действующих лиц Русско-японской войны, а также краткие или развернутые характеристики сослуживцев Андрея Валерьяновича. Среди них генералы Ф. Э. Келлер, П. К. Ренненкампф и П. И. Мищенко, полковники И. Е. Трухин и Е. А. Российский, подполковник А. И. Деникин и многие другие офицеры. Помимо личных впечатлений, дневник включает большое количество оперативных документов, приказов и донесений, прошедших через руки

А. В. Квитки и являющихся ценным дополнением к описанию боевых действий.

Выпущенный в свет в 1908 году издательством В. Березовского, дневник А. В. Квитки хорошо известен специалистам по истории Русско-японской войны. Однако он давно уже стал библиографической редкостью, и редакция сочла необходимым переиздать это ценнейшее свидетельство участника событий 1904–1905 годах, чтобы сделать его доступным для широкого круга читателей.

Часть I

От Рима до Ляояна. – В Восточном отряде. – У генерала Ренненкампа¹

В воскресенье, 11 апреля, я выехал экспрессом из Петербурга. Этим поездом ехал тоже на Дальний Восток флигель-адъютант полковник князь Трубецкой¹, которого провожали наши общие товарищи, офицеры конной гвардии.

12 апреля. Москва. Моим спутником в действующую армию был друг детства и старый товарищ по Пажескому корпусу, генерал-лейтенант граф Келлер², вызванный в Ляоян

---

¹ Трубецкой Георгий Иванович (1866–1926) – генерал-лейтенант Свиты Его Императорского Величества (1913). Во время Русско-японской войны в чине полковника состоял в распоряжении главнокомандующего сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии; был прикомандирован к 7-му Сибирскому казачьему полку. В 1906–1913 гг. – командир Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

¹ Трубецкой Георгий Иванович (1866–1926) – генерал-лейтенант Свиты Его Императорского Величества (1913). Во время Русско-японской войны в чине полковника состоял в распоряжении главнокомандующего сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии; был прикомандирован к 7-му Сибирскому казачьему полку. В 1906–1913 гг. – командир Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

² Келлер Федор Эдуардович (1850–1904) – генерал-лейтенант (1899). Во время Русско-японской войны командовал 2-м Сибирским корпусом и Восточным отрядом Маньчжурской армии. Погиб 18 июля 1904 г. в бою на Янзелинском перевале.

телеграммой генерала Куропаткина³.

Келлер выехал раньше меня из Петербурга; было условлено вместе завтракать у Тестова и обедать в «Эрмитаже»⁴.

Чтобы распределить, какую часть багажа я мог поместить в своем купе и что должен был сдать в багажный вагон, я приехал на вокзал за два часа до отхода поезда, и времени оказалось у меня не слишком много. От Москвы до Иркутска перевозка багажа стоила пять рублей за пуд и, несмотря на то что в купе поместилось довольно много вещей, пришлось доплатить свыше ста рублей. Если бы я мог предвидеть, что большая часть этих вещей пропадет и я никогда их не увижу, то, конечно, не затратил бы на них столько денег на покупку и за провоз.

Грустно было видеть проводы и расставание матерей, жен и близких с отъезжавшими на войну. Я вновь переживал весь ужас вчерашнего прощания.

14 апреля. Ранним утром мы проезжали мимо Бугуруслана. У подножия зеленевших холмов отражался в гладкой поверхности большого озера или разлива реки красивый городок с ярко окрашенными строениями и куполами церквей,

---

³ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – генерал от инфантерии (1901), генерал-адъютант (1902). В 1898–1904 гг. – военный министр. Во время Русско-японской войны – командующий Маньчжурской армией (с февраля 1904), главнокомандующий сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии (с октября 1904), командующий 1-й Маньчжурской армией (с марта 1905).

⁴ Названия петербургских ресторанов.

горевших золотом.

15 апреля. Урал. Мы выехали в горы, покрытые хвойным и лиственным лесом. Поезд поднимался все выше и выше вдоль быстро текущей речки. Ровно вырубленные площади и прямые просеки указывали, что здесь было ведено правильное лесное хозяйство.

Характер гор волнистый, с мягкими очертаниями. Не было видно следов вулканического происхождения. Не было признаков суровой борьбы зарождающегося миростроения. Все было покрыто тучным слоем плодородной земли, дающей рост богатой флоре; кое-где только протиснулись обнаженные скалы, красные, желтые, зеленые с темно-бурыми жилами. Вот где кроются богатства Урала.

Поезд останавливался у Златоустовских заводов. На станции продавались разные изделия из стали и чугуна, преимущественно клинки, раскупаемые офицерами, едущими на войну.

Поднимаемся еще выше и огибаем Златоуст; поверх леса видно озеро с красивым городком на берегу.

Мы сидим за завтраком в вагоне-ресторане и не можем оторваться от окон, где мелькают перед нами живописные виды Урала.

Мои спутники – большею частью гвардейские офицеры: кроме графа Келлера, товарищи по конной гвардии – флигель-адъютант князь Трубецкой и подъесаул Золотницкий; кавалергарды князь Долгорукий, Олив и князь Урусов; два

командира полков, расположенных в Порт-Артуре, полковники Бем и Пospelов⁵. Бем участвовал в Китайской кампании⁶; его знакомство с краем, жителями, способами ведения войны нас живо интересовало. Ехал с нами чиновник Министерства земледелия для руководства по устройству огородов. Впоследствии, когда мы увидели, в каком совершенстве возделывались китайцами хлеба и овощи, мы недоумевали, зачем был командирован ученый садовод в этот край, где каждый крестьянин мог бы быть профессором по этой части. Племянник барона Штакельберга⁷, командира 1-го Сибирского корпуса, назначенный к нему ординарцем, говорил, что здоровье его дяди в последнее время было совсем плохое. Он лежал больной, когда получил от генерала Куропаткина предложение принять сибирский корпус. Желание вернуться снова к боевой жизни дало ему силы стать на ноги и побороть недуг.

После завтрака каждый уходил к себе читать, писать, а может быть, поспать. Все высыпали на воздух на значительных остановках. Келлер ходил умеренным шагом, молодежь

---

⁵ Полковники Сергей Матвеевич Пospelов и Михаил Антонович Бем – командиры 13-го и 16-го Восточно-Сибирских стрелковых полков.

⁶ Имеется в виду участие русской армии в подавлении Боксерского (Ихэтуаньского) восстания в Китае в 1900–1901 гг.

⁷ Штакельберг Георгий Карлович (1851–1913) – генерал от кавалерии (1907). С начала Русско-японской войны в чине генерал-лейтенанта находился в распоряжении командующего Маньчжурской армией, затем командовал 1-м Сибирским корпусом и Южным отрядом Маньчжурской армии.

куда-то спешила, искала развлечений, но в них избытка не было. У многих были фотографические аппараты; к сожалению, самые интересные виды встречались только на ходу, мы пробовали их снимать, но не знали, удадутся ли снимки при быстром ходе поезда. На станциях же все, что хотелось бы снять, заслонено складами дров, водокачками, поездами на запасных путях, заборами и проч.

К обеду мы чистились, прихорашивались; недоставало только дам, чтобы наша столовая имела вид нарядного петербургского ресторана.

На остановках Трубецкой выходил первый из вагона и возвращался только к третьему звонку, быстрыми шагами он удалялся по полотну железной дороги, чтобы размять ноги. На одной станции поезд тронулся раньше времени, никто не заметил, вернулся ли Трубецкой или нет, но вот поезд остановился и подобрал его, ушедшего далеко вперед. Хорошо еще, что он не избрал целью прогулки обратное направление.

В Челябинск мы приехали днем. Остановка была продолжительная, и мы все отправились на извозчиках в город. По дороге встречались велосипедисты, местные обыватели щеголяли резвыми башкирскими иноходцами. Проехали мимо народного дома в греческом стиле, осматривали собор, в котором хранилась святыня, чуждая православному храму – деревянная раскрашенная статуя Св. Николая, вероятно, работы проживавшего здесь католика, назначавшаяся для ко-

стела и попавшая по недоразумению в православный собор. Широкие немощеные улицы с одноэтажными деревянными домами, крытыми железом. Много лавок и складов сельскохозяйственных орудий. Более всего привлекали наше внимание башкирские лошади с железными ногами и горбатыми спинами.

16 апреля. В необъятных степях стада крупного сытого рогатого скота и коренастых лошадей пощипывали высохшую прошлогоднюю траву. Вероятно, неподалеку имелось жильё с заготовленным запасом корма, иначе нельзя себе объяснить, как у животных могло сохраняться такое тело после долгих зимних месяцев.

Вечером приехали в Омск – холодно, неприветливо. На вокзале нас встретил начальник штаба округа генерал Гершельман⁸, товарищ по Пажескому корпусу. Он был очень занят мобилизацией. Ему было обещано назначение в действующую армию, когда он окончит свою работу.

Совершенно искренно пожелали мы ему скорее прибыть в Маньчжурию – таких генералов желательно иметь побольше.

17 апреля. Целый день ехали по равнине без конца. Однообразна, скучна, неприветлива степь на севере; как непохожа она на степь в Малороссии, где нет этого безмолвия, отсутствия жизни.

---

⁸ Гершельман Сергей Константинович (1854–1910) – генерал от инфантерии (1910). Во время Русско-японской войны в чине генерал-лейтенанта командовал 9-й пехотной дивизией и 10-м армейским корпусом.

Стелется дым от горевшей травы и мелких кустарников; это «палы», подожженные переселенцами для очищения и удобрения почвы под пастбища и покосы. Эти палы распространяются иногда на громадные пространства, уничтожая на своем пути вековые леса.

Когда настал вечер, равнина осветилась заревом сплошного огня. Это было удивительно красиво, но что-то зловещее было в этом стихийном пожарище – жутко делалось, а глаз от чудного зрелища нельзя оторвать.

18 апреля. Тайга. Каким очарованием звучит это слово для охотника! В этих дебрях бродят маралы и изюбры⁹ со своими ценными весною пантами, не окостеневшими еще рогами, из которых китайцы выделяют любовное средство. Здесь медведи, рыси, куницы, черно-бурая лиса и бесчисленное множество мелкой пушнины.

Кедры, лиственница, ель, сосна растут между буками, берестами, ольхой, березой и другими лиственными породами. Деревья обросли мохом, ветви перепутались; пораженные молнией или застигнутые пределом возраста, лежат они с вывороченными корнями, как громадные трупы, в которых зарождается новая жизнь. Вдоль линии железной дороги крупные деревья срублены, остальные обгорели от сыпавшихся искр из паровозов.

19 апреля. Лес немного редел, на полянах вековые красавцы свободно расправили свои ветви. Снегу больше. На про-

---

⁹ Дальневосточные подвиды благородного оленя.

талилах плавали стаи диких уток; лебеди и дикие гуси более пугливы – они поднимались и улетали при проходе поезда.

20 апреля. Мы шли с опозданием. По расписанию идут только до Челябинска, а оттуда уже движение поездов подчиняется военному начальству.

Экспресс должен был остановиться в Иркутске, выпустить там пассажиров, но заведующий поездом обещал доставить нас без пересадки до Байкала.

Последний вечер проводили мы в прекрасном международном поезде, жаль было с ним расставаться. Нам говорили, что в Забайкалье и Маньчжурии придется, может быть, ехать в вагонах 3 класса. После роскошных купе с уборными не могло быть привлекательным сидеть и в особенности лежать на голых досках.

Мы собрали между собою и передали заведующему поездом семьдесят пять рублей и повару, отлично кормившему нас, двадцать пять рублей.

21 апреля. В два часа ночи пришли в Иркутск; осмотреть город не пришлось, так как мы уходили в девять часов утра; видно было только за рекой красивый город с крупными постройками, несколько церквей и между ними большой пятиглавый собор; на набережной имелись двухэтажные дома с колоннами типа помещичьих усадеб с претензиями на итальянский ренессанс.

Поезд помчался вверх по течению быстрой прозрачной Ангары. Через три часа мы подошли к озеру Байкал.

У пристани уже разводил пары ледокол «Ангара». Накануне вышел первым рейсом ледокол «Байкал», пробивающий лед по направлению к Мысовой – он только завтра к вечеру окончит свою работу; сегодня «Ангара» остановится верстах в двенадцати от берега, поэтому нас сопровождали сани, чтобы доставить с парохода на Мысовую.

Мы отвалили в два часа дня и пошли по каналу, прорезанному Байкалом. Хотя лед уже был разломан и частью выброшен по сторонам, как поднятая исполинским плугом борозда, наше движение вперед не было совсем свободным: приходилось пробиваться, расталкивая громадные глыбы льда прозрачного зеленого цвета, как волны в картинах Айвазовского.

Тройки, сопровождавшие нас, обгоняли друг друга, ямщики ругались, махали неистово кнутами и гнали во весь дух лошадей. На ослепительно белом фоне снега все эти фигуры вырезывались черными силуэтами, как фантастические китайские тени.

Солнце уже грело, погода стояла чудная, жаль было спускаться в каюту к завтраку.

К пяти часам мы нагнали «Байкал». Чтобы спустить пассажиров, пароход должен был врезаться плотно в сплошной лед – это ему удалось не сразу. Он давал задний ход, отходил сажень на сто, потом полным ходом налетал на нетронутую ледяную массу, поднимался на нее, с треском опускался, разламывая и поднимая вдоль бортов целые пласты и груды

обломков. Несколько раз приходилось проделывать этот маневр, пока «Ангара» не стала, стиснутая льдом со всех сторон.

Тройки подъехали. Все стали толпиться у трапа, графу Келлеру предложено высадиться первому, я за ним последовал. Мы сели в сани, покрытые ковром, и помчались по гладкой поверхности Байкала.

Впереди нас ехал железнодорожный подрядчик; когда мы стали его объезжать, он грозно крикнул на нашего ямщика: «Не смей меня обгонять». – Еще грознее прикрикнул на железнодорожника Келлер, и мы проехали мимо – он был укрощен, но глядел темнее тучи. Не в первый раз приходилось Келлеру осаживать таких нахалов: сегодня же одного служащего, ответившего дерзко офицеру в его присутствии, он приказал высадить на берег с парохода, еще стоявшего у пристани.

Приближаясь к станции, мы должны были пробираться между трещинами, из которых выступала вода; такие трещины в несколько сот сажен длиною образуются среди озера неожиданно, что делает очень опасным передвижение через Байкал ночью или в метель.

На Мысовой поезд уже ждал нас. Графу Келлеру было предоставлено большое купе с двумя отделениями и мне рядом такое же, только поменьше. Офицеры нашей компании, кроме Трубецкого, приглашенного Забелиным¹⁰, помести-

---

¹⁰ Забелин Александр Федорович (1856–1933) – генерал от инфантерии (1911).

лись в нашем вагоне.

После поездки на открытом воздухе мы сильно проголодались и с удовольствием накинулись на роскошно убранный стол с разными закусками и водками. Среди зала на большом столе, накрытом для обеда, лежало соблазнительно составленное меню. Мы были преисполнены благодарностью к любезности и предупредительности железнодорожного начальства. Но вдруг стало вкрадываться сомнение: нам ли был приготовлен этот пир, не узурпаторы ли мы? Графу Келлеру, конечно, мог быть оказан почет, но у него еще не было ни свиты, ни штаба, а ожидалось, очевидно, много гостей. Спросили за буфетом, кого ожидали, и получили в ответ: «Генерала Забелина и лиц, его сопровождающих». С некоторым смущением удалились мы от стола, где были ни зваными, ни избранными, и скромно уселись в углу, куда с пренебрежением приносила прислуга заказанный по карточке ужин.

Не находя свободных мест, пассажиры сели за стол, не обращая внимания на протесты буфетчика, что здесь им не место, что стол этот накрыт по заказу высшего начальства.

22 апреля. Совсем тепло – окна в вагонах пооткрывались, и мы вдыхали с наслаждением чудный, живительный воздух

Во время Русско-японской войны в чине генерал-майора (с марта 1905 генерал-лейтенанта) занимал должность начальника военных сообщений Маньчжурской армии (с февраля 1904), начальника военных сообщений при главнокомандующем сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии (с ноября 1904). В 1910–1917 гг. – начальник Главного управления военно-учебных заведений.

Сибири.

Та часть Забайкалья, по которой идет железная дорога, почти вся гориста; дорога вьется по живописным долинам вдоль быстро текущих рек, обсаженных ольхой или вербами. Самые большие и красивые реки – Селенга и Хилок. Сплошные леса сменялись с перелесками, отдельными группами и одиночными деревьями. Трудно поверить, что едешь по ди-
кому Забайкалью, а не среди парков культурной Европы.

Одна дама, жена служащего в Порт-Артуре чиновника, не могла найти места ни в первом, ни во втором классе; ее посадили в третий класс вместе с солдатами; на другой день ее перевели в купе, занятое уже тремя казачьими офицерами. Узнав, что в нашем вагоне имелись свободные места, она просила перейти к нам; мы, конечно, согласились, сожалея только, что раньше не знали о стеснениях, которые ей пришлось перенести. В то время, когда одинокая дама не могла найти пристанища в поезде, целый вагон первого класса был занят прислугою начальства.

Верхнеудинск напоминает подмосковные дачные местечки своими чистенькими деревянными особняками, с резными украшениями на фронтонах, вокруг окон и у крылец. С площадки на горе перед маленькой, но изящной церковью, среди рослых сосен, открывался красивый вид на долину реки Селенги.

Здесь были получены первые известия о Тюренченском

бое¹¹, о поспешном отступлении 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и о потере орудий. Невыразимо тяжело было слышать, что мы оставили неприятелю столько пленных и пушек, несмотря на то что войска дрались превосходно. Кто же виноват в этом поражении? Начальство не только не сумело угадать намерения противника, но выказало непредусмотрительность и незнакомство с местностью, на которой решено было принять бой. Дай Бог, чтобы этот урок послужил нам в будущем.

23 апреля. Стало заметно прохладнее, когда миновали туннель на Яблоневоm хребте. Буфетные станции редки, а еще реже попадали мы на них в часы завтрака и обеда. Проголодавшиеся пассажиры соскакивали с поезда до остановки и бежали наперегонки, чтобы захватить место у стола.

Опоздавшие ждали очереди, толпились у буфета за водкой и закуской; некоторые забирались на кухню, сами хватали тарелки с кушаньями и уносили в столовую или ели тут же.

Князь Долгорукий и Олив остановились в Чите, куда было предписано являться всем офицерам, определенным в За-

---

¹¹ Сражение на реке Ялу у города Цзюлянчэн (в старой русской транскрипции – Тюренчен) 18 апреля (1 мая) 1904 г. между Восточным отрядом Маньчжурской армии ген. М. И. Засулича (20 тысяч человек, 52 орудия) и наступавшей из Кореи японской 1-й армией ген. Куроки (60 тысяч человек, 180 орудий). Первое значительное сражение Русско-японской войны закончилось отступлением русских войск, потерявших 2172 человек. Потери японцев составили 1129 человек. Продвинувшись до Фынхуанчэна, японская 1-я армия обеспечила с фланга высадку 22 апреля (5 мая) на Ляодунском полуострове 2-й армии ген. Оку.

байкальское казачье войско¹². Они хотели, кроме того, дождаться своих лошадей, чтобы поторопить их доставку в Ляоян. Мне тоже следовало явиться начальству в Чите, но я полагал, что в этом не было необходимости, и я предпочел продолжать путь безостановочно, чтобы не расставаться с Келлером.

По случаю своих именин, Трубецкой угощал нас утром в вагоне завтраком из горячих консервов, а мы, за ужином, потребовали шампанского и пили за его здоровье.

24 апреля. Сильный холодный ветер. Местность непривлекательная – тянутся ряды голых холмов без признаков растительности. На равнине сквозь прошлогоднюю траву проглядывали ярко окрашенные крокусы. Буряты скакали на резвых конях за выделенным из табуна «маштачком»¹³ и

---

¹² Забайкальское казачье войско было образовано в 1851 г. на территории Забайкалья из части сибирских казаков, бурят, тунгусов (эвенков) и крестьянского населения некоторых районов. Войско осуществляло охрану границы с Китаем и внутреннюю службу. В начале XX в. забайкальские казаки выставляли в мирное время одну гвардейскую полусотню, 4 конных полка и две батареи. Войско участвовало в подавлении Боксерского восстания в Китае (1900–1901), в Русско-японской войне и Первой мировой войне. В 1916 г. население войска составляло 265 тысяч человек, из них на военной службе состояло 14,5 тысяч. Во время Гражданской войны большая часть забайкальских казаков активно воевала против большевиков под руководством атамана Г. М. Семенова и барона Р.Ф. Унгерна. В 1920 г. после поражения Семенова примерно 15 % казаков с семьями ушли в Маньчжурию, где обосновались, создав свои станицы. После Второй мировой войны некоторые из них эмигрировали в Австралию, другие в 1960-е гг. вернулись в СССР и были поселены в Казахстане.

¹³ Маштачок, маштак – малорослая крепкая лошадка.

ловким движением набрасывали на него аркан; это в Забайкалье называется уключением.

На станции Оловянной буряты привели для продажи забайкальских и монгольских лошадей. Они очень малорослы, но с крепкими спинами, почками и ногами. Пользуясь спросом, продавцы запрашивали от семидесяти пяти до трехсот рублей за лошадь, тогда как в обыкновенное время красная цена была бы им от тридцати до ста рублей. Трубецкой купил две лошади по ста рублей для выюков. Мне нужны были две верховые лошади, так как высланные из России придут в Ляоян только через три недели, но я не мог решиться на покупку под седло таких карликов, на которых будет стыдно выехать перед строй. Я привык ездить на ирландских скакунах, а этих коней даже донцы называли чушками, т. е. свиньями; а между тем говорят, что в Маньчжурии нельзя теперь найти порядочного коня ни за какую цену.

25 апреля. В два часа ночи прибыли на станцию Маньчжурия и стояли там до четырех часов дня. Страшный ветер, настоящий ураган, нес тучи песку.

Здесь опять меняли вагоны. От станции Маньчжурия начиналась Китайская восточная железная дорога¹⁴, имевшая

---

¹⁴ Китайская восточная железная дорога (КВЖД) – железнодорожная магистраль, проходившая по территории Маньчжурии и соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Дорога была построена в 1897–1903 гг. как южная ветка Транссибирской магистрали, принадлежала России и обслуживалась ее подданными. По советско-китайскому договору 1924 г. КВЖД оставалась под управлением и обслуживанием советской стороны, но в 1929 г. китайские mili-

главное управление в Харбине. На эту дорогу и ее порядки многие жаловались. Мы нашли, что прекрасно был уложен путь, — поезд шел плавно, не раскачиваясь и не подпрыгивая; новые вагоны роскошны, станционные постройки в китайском стиле изящны и питание в буфетах сносное.

Мне опять дали большое купе, в котором я мог уложить часть вещей, полученных транзитом из Парижа. Я был в Риме, когда получил уведомление об определении во 2-й Нерчинский казачий полк Забайкальского казачьего войска и, возвращаясь в Россию через Париж, купил, рекомендованные полковником французской службы Сен-Жам (St. James), долго прослужившим в колониях, разные предметы походного снаряжения: палатку с двойным верхом, предохраняющим от лучей палящего солнца и тропических дождей; железную, складную кровать, немного тяжелую, но зато действительно прочную; походное кресло полковника Аршинара, удивительно удобное, чтобы отдохнуть, не раскисая, как бывает, развалившись на кровати после тяжелого похода или боя; полог из прочной сетчатки от москитов и других насекомых, был настоящим благодеянием в Маньчжурии, где мухи признавались одною из язв, не уступающих египетским, прославленным Ветхим Заветом; последней моей покупкой

таристы захватили ее, что привело к вооруженному конфликту с СССР, по завершении которого статус-кво был восстановлен. В соответствии с соглашением 1935 г. КВЖД была продана марионеточному прояпонскому государству Маньчжоу-Го, но в 1945 г. после окончания Второй мировой войны была возвращена под контроль СССР до окончательной передачи Китаю в 1952 г.

была офицерская походная кухня, или кантина, как ее называют французы, – в жестяном ведре вмещалось все, что было нужно для приготовления обеда, столовые приборы и складной фонарь. Мой итальянский повар Пепино угощал нас роскошными обедами, изготовленными на этой кухне, а в тех случаях, когда пообедать основательно не было времени, в ведре готовился суп на 8-10 человек офицеров, который вестовые казаки привозили на позицию, не раз – под выстрелами.

Ожидая телеграммы, я обратился в телеграфную контору, где мне сказали, что телеграмма на мое имя была получена, стали ее искать, я тоже рылся в целом ворохе телеграмм, сваленных в беспорядке, но безуспешно; ее нашли и принесли мне только через три часа.

Мы очень вкусно пообедали на станции Маньчжурия, но это было рано, а когда вечером опять есть захотелось, то оказалось, что до завтра буфетов больше не будет – печально. Пепино на одной станции достал хлеба и молока, умирать с голоду еще было рано.

Билетов никто не спрашивал, может быть, мы напрасно их покупали.

26 апреля. Прошли длинный туннель в горах Хингана, где строился новый обходный путь взамен пресловутых тупиков. Перевал здесь на четыре тысячи футов выше уровня моря. В горах сильная метель, которая прекратилась, как только мы спустились в долину, где совсем не было снега.

На берегу реки горы обрывались отвесными скалами; пу- стив корни в расщелинах этих скал красно-бурого цвета, ле- пились деревья и кустарники, осыпанные белыми и лиловы- ми цветами – художник не мог бы придумать для них более удачного фона. Лес на горах уже принял розоватый оттенок распускавшихся почек, на низинах лозы и вербы начинали зеленеть.

На одной станции мы нагнали воинский поезд с эшелона- ми 9-го Сибирского казачьего полка. Казаки – русские, по- чти все светло-русые, вид у них угрюмый, на вопросы отве- чали неохотно, но они, тем не менее, производили впечатле- ние, что на них положиться можно, что они за себя и за роди- ну сумеют постоять. Нравились мне буряты со своими плос- кими добродушными лицами; они напоминали мне башкир, которыми я когда-то командовал. Если буряты – сородичи башкир и обладают теми же военными качествами, то луч- шего материала для боевой конницы нечего желать. Лошади сибирских казаков маленькие, мохнатые, крепко сложенные. Говорят, что сибиряки в 40-градусный мороз обливают во- дой вспотевшую лошадь и ставят на стойку, подтянув голову кверху; от этого будто бы они крепнут. Свежо предание, но верится с трудом.

Вдоль полотна железной дороги пролежала дорога грунто- вая, по которой тянулись обозы с сеном, дровами и хворос- том; в запряжке шли понуро несчастные клячи, безногие, с вогнутыми спинами; за ними плелись или сидели на во-

зах мужики, на вид тоже не сытые и такие же понурые – это недавно прибывшие из России переселенцы. Как не похожи они на сибиряков, уже осевших на месте: у них угнетенного вида не заметно, они, напротив, смотрят на вас самоуверенно, как на равного. Это народ самобытный, не привыкший к административной опеке и не нуждающийся в ней.

Где долины расширялись, предоставляя достаточную площадь под посевы, устраивались переселенческие деревушки и хутора с неуклюже сколоченными избами и сараями, огороженными жердями. Бабы с ребятишками стояли у околицы и грызли что-то: если бы не было видно между ними непроницаемых рож китайцев, можно было бы подумать, что это Россия.

Станционные здания и водокачки построены в китайском стиле: крыши из глазурованной черепицы украшены по гребню и по фронтонам фаянсовыми декоративными мотивами в виде драконов, змей и сидячих на заду собак; эти собаки имеют, вероятно, какое-нибудь символическое значение, – может быть, они хранители домашнего очага от злых духов.

Чины пограничной стражи были щеголевато одеты; они получали, сравнительно с прочими воинскими чинами, большие оклады жалования, жили в прекрасных, даже роскошных казармах. Нужно им отдать справедливость, что они вполне добросовестно исполняли свои обязанности и выказывали не раз храбрость и самоотвержение.

27 апреля. В три часа ночи прибыли в Харбин. Ветер и пыль невозможные; говорят, что это хроническое состояние Харбина.

Вокзал, как и много других зданий в новом городе, построен в стиле модерн. Одна из установившихся форм этого стиля, получившая право гражданства, которую недоброжелательные критики сравнивают с берцовой костью, встречается в Китае в архитектурных украшениях, в мебели, в домашней утвари, в ювелирной работе, в рисунках и узорах. Это дает повод думать, что форма эта не выдумана модернистами, а просто заимствована у Китая.

Всей компанией поехали завтракать на пристань, — так называется одна из трех строящихся частей Харбина в разных, довольно удаленных друг от друга местах. Может быть, эти три предместья сольются когда-нибудь в один большой город, но теперь эта разбросанность непонятна и крайне неудобна. Мы завтракали в отдельной зале ресторана «Колхида», куда не доносились звуки музыки и пение хористок.

Поезд отходил в одиннадцать часов вечера. Наша прислуга была посажена в вагоне 2 класса, что вызвало справедливое неудовольствие офицеров, ехавших в 3 классе; дело уладилось начальником станции, приказавшим прицепить другой вагон 2 класса.

28 апреля. Вот и Китай. Тот самый Китай, с которым мы познакомились еще в детстве по рисункам на ширмах, веерах, на фарфоровых вазах и чайных приборах. Очертания

гор, растительность, кумирни¹⁵, люди и животные – все казалось сказочным, причудливым, невероятным, и таким мы теперь видели наяву.

Широкая долина, обрамленная лиловыми горами, точно фестонами, обработана на всем пространстве.

Земледельцы, одетые в синие балахоны, в соломенных конусообразных колпаках на голове, пахали сохами или маленькими плужками, запряженными в одну лошадь. Недалеко друг от друга разбросаны поселки и хутора, окруженные глинобитными оградами с прорезанными бойницами и крытыми ходами. Дома-фанзы, также глинобитные, крыты черепицею или гаоляном. Гаолян и чумиза – злаки, наиболее распространенные в Китае, в особенности первый, неоценимый в обиходе манзы-китайца¹⁶: молодой гаолян дает прекрасный зеленый корм, когда он созреет, его зерно собирается и идет

---

¹⁵ Кумирня – небольшая языческая (обычно буддийская) молельня с кумирами, идолами. В Маньчжурии в конце XIX – начале XX в. большая часть кумирен принадлежала буддистам, однако конфуцианство (официальный культ) и даосизм также были широко распространены, причем многие местные жители посещали кумирни разных конфессий.

¹⁶ Манзы – китайское население Уссурийского края во второй половине XIX – начале XX вв. Понятие «манза» в первую очередь означало оседлых китайцев, постоянно проживавших в крае на момент его присоединения к России, в широком смысле – всех уссурийских китайцев, включая сезонных отходников из соседней Маньчжурии и трудовых мигрантов, прибывавших морским путем из Шаньдуна. В Маньчжурии термином «маньцзы» (переводится с китайского, как «бродяги») местное население называло выходцев из Шаньдунской провинции, расположенной южнее. В дневнике А. В. Квитки понятие «манза» используется по отношению ко всему китайскому населению Маньчжурии.

на корм людям и лошадям, а стебли сушатся и употребляют-
ся для кровли, для внутренних переборок и потолков, очень
искусно сплетенных и оклеенных бумагою всем семейством
манзы. Гаолян идет также на огорожу и, наконец, на топливо.

Станции окружены кирпичными или каменными стена-
ми с бойницами и башнями на углах для защиты от хунху-
зов¹⁷. На пограничную стражу возложена обязанность охра-
нять железную дорогу. Вехи, обмотанные соломой, установ-
лены на возвышенных местах; при появлении неприятеля
или по тревоге часовой зажигает вежу, облив ее предвари-
тельно керосином. На более важных постах, как, например,
у мостов через большие реки, стоят пушки.

С нашим поездом в вагоне 3-го класса, переполненным
пассажирами-китайцами, пять вооруженных китайских сол-
дат везли на казнь в Ляоян четырех хунхузов. Хунхузы вы-
глядели мирными гражданами; кроме надетых кандалов, они
ничем не отличались от других пассажиров, с которыми ве-
село болтали.

Русского мужика более не видно ни в поле, ни на дорогах;
дойдет ли когда-нибудь до этого края переселенческая вол-
на?

---

¹⁷ Хунхузы – члены организованных банд, действовавших в Маньчжурии и на прилегающих территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии во второй половине XIX – первой половине XX вв. В широком смысле – преступники, промышляющие разбоем. На территории России под хунхузами подразумевались исключительно этнические китайцы, составившие абсолютное большинство членов хунхузских бандитских группировок.

Около живописных кумирен деревья были в полном цвету, овощи зеленели в огородах у каждой фанзы. Мужчины, женщины и дети были заняты полкою и окучиванием – с каким умением, с какою любовью они относились к своей работе!

Для пропуска встречных поездов остановки на станциях и разъездах становились все продолжительнее. На более значительных станциях, где были расположены войска, бараки для раненых и больных и питательные пункты, толпились китайцы-торгаши, рабочие и нищие. Землекопы таскали землю в плоских корзинах, подвешенных к коромыслам, к возводящейся насыпи.

29 апреля. Разворачивающаяся перед нами картина так и просится на экран: все непривычно европейскому глазу. В архитектуре, в головных уборах китайцев и даже в очертании гор, вырезающихся на горизонте, преобладает колокольчатая форма, вероятно, почерпнутая из растительного царства, – как был лотос в Индии, акант в древней Греции и ель в готике. Лилия, растущая в изобилии в диком состоянии по всему Китаю, составляет предмет особого ухода в саду знатного мандарина и у бедняка-манзы; не она ли послужила созданию китайского стиля?

Нет ничего удивительного, что растительное и животное царство Китая отличаются от того, что мы видим в Европе; но любопытно, что обыкновенная ворона и галка здесь совершенно черные, как грачи, без признаков серого оперения.

Около жилых мест и в лесах множество сорок, они ничем не отличаются от всем знакомых кумушек. На станциях между китайцами есть начальство – это полицейские, у которых нашит на спине цветной круг с иероглифическими изречениями, а в руке самый убедительный знак власти – большая трость. Один рослый китаец в желтой плюшевой куртке совсем важный чиновник – он помощник кассира.

Остановки, в особенности на разъездах, еще продолжительнее. Генерал Забелин заметил, что были беспорядки, что неумело и неправильно распоряжались железнодорожные служащие. В 8 часов вечера пришли в Мукден и через два часа отошли дальше.

30 апреля. В три часа ночи пришли в Ляоян. Нас разбудили и потребовали выходить всем из вагона, так как поезд через час должен был отойти дальше на Порт-Артур. Когда мы оделись и уложили свои вещи, пришли сказать, что сообщение с Порт-Артуром прервано и поэтому наш вагон останется в Ляояне. Мы опять разделись, но спать не удалось: установка вагона на запасный путь заняла много времени, поезда и отдельные локомотивы с грохотом проходили мимо нас, раздавались над ушами свистки и раздражающие звуки сирены. В шесть часов утра мы были уже на ногах.

На Парижской всемирной выставке 1900 г. мне приходилось испытать езду на «пус-пус» – китайских рикшах, но то было по гладким, как паркет, дорожкам выставки, медленно, с постоянными остановками; заставлять же человека везти

экипаж с седоком продолжительное время и по всяким дорогам чуть ли не со скоростью лошади казалось бесчеловечным; оказывается, однако, что рикши так втянуты в эту работу, что могут пробежать три, четыре версты без усталости, причем дыхание остается равномерным. Рикши – порядочные нахалы и всегда готовы содрать с вас три шкуры.

Граф Келлер и я завтракали у старого товарища генерала Ф. Ф. Трепова¹⁸, назначенного начальником санитарного управления.

Мне сообщено, что командующему армией известно о моем прибытии в Ляоян и что я должен ему представиться сегодня же.

Прием представляющихся в 4 часа дня. Первым был принят граф Келлер; его продержали довольно долго, и когда он вернулся, то казался взволнованным и озабоченным. Он передал мне, что командующий армией предложил ему принять Восточный отряд от генерала Засулича¹⁹. Келлер ответил, что, не служивши давно в строю, он желал бы, по крайней мере на первое время, прокомандовать дивизией, а не большим отрядом, так как он не был уверен, что сумеет спра-

---

¹⁸ Трепов Федор Федорович (младший) (1854–1938) – генерал от кавалерии (1911). Во время Русско-японской войны в чине генерал-лейтенанта был главноуполномоченным Российского общества Красного Креста, затем начальником санитарной части Маньчжурской армии (с апреля 1904).

¹⁹ Засулич Михаил Иванович (1843–1910) – генерал от инфантерии (1906). Во время Русско-японской войны в чине генерал-лейтенанта командовал 2-м Сибирским корпусом.

виться с возлагаемой на него трудной задачей. Генерал Куропаткин настаивал, однако, чтобы Келлер сейчас же вступил в командование Восточным отрядом и его доводы были настолько убедительны, что Келлер согласился. В настоящее время Восточный отряд был менее корпуса, но имелось в виду пополнить его частями, ожидавшимися из России.

Представлялись затем генерал Забелин с инженерами, флигель-адъютант князь Трубецкой, полковники Бем и Поспелов, получавшие новые назначения вследствие того, что полки, которыми они должны были командовать, находились в Порт-Артуре, отрезанном от главной армии неприятелем. Когда настала моя очередь, командующий принял меня очень любезно и представил начальнику штаба армии генералу Сахарову²⁰. Меня смутило замечание генерала Сахарова: не болен ли я.

Я поступил на службу только на время войны после двадцати лет отставки и, пожалуй, для чина войскового старшины, был не довольно молод, но я себя считал бодрым и способным нести строевую службу так же ретиво, как в молодости, и мне хотелось скорей доказать, что я здоров и могу

---

²⁰ Сахаров Владимир Викторович (1853–1920) – генерал от кавалерии (1908). Во время Русско-японской войны в чине генерал-лейтенанта занимал должность начальника полевого штаба Маньчжурской армии, затем начальника штаба главнокомандующего сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии. Во время Первой мировой войны – командующий 11-й армией Юго-Западного фронта (1915–1916), затем Дунайской армией, помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта.

служить не хуже молодого.

Алексей Николаевич Куропаткин сказал мне: «Пока вы будете в Ляояне, прошу вас быть моим гостем».

Обед был сервирован в семь часов в роскошном вагоне-столовой, ярко освещенном рядами электрических лампочек под потолком. После закуски в первом отделении, где обедала свита, мы перешли во второе. Келлер сел по правую руку генерала Куропаткина, Забелин – по левую. Разговор касался военных событий, не затрагивая наболевших вопросов, обсуждение которых не было желательно за столом в присутствии непосвященных гостей и прислуги. Обед из трех блюд был вкусный, сытный, но не изысканный и, конечно, не оправдывал рассказов мукденских доброжелателей о расточительности и блеске приемов генерала Куропаткина.

Когда встали из-за стола, Алексей Николаевич сказал присутствующим, указывая на меня: «Представляю вам моего старого боевого товарища, он заслужил Георгиевский крест за штурм Гривицкого редута²¹, а не золотое оружие, которое получил за это дело».

Не дожидаясь Келлера, ушедшего на половину командующего на совещание, я отправился домой. Ночь была темная, я насилу отыскал свой вагон, натываясь на рельсы, канавы, на сложенный у железной дороги лес; ходить здесь ночью без фонаря было небезопасно, – того и гляди, расшибешь себе

---

²¹ Гривицкий редут – турецкое укрепление, взятое приступом румынскими и русскими войсками 30 августа 1877 г. в ходе третьего штурма Плевны.

нос.

1 мая. Мой полк, 2-й Нерчинский казачий, входил в состав 2-й Забайкальской казачьей дивизии генерал-майора Ренненкампа. В полевом штабе мне сообщили, что штаб-квартира отряда генерала Ренненкампа находилась в г. Саймацзы, но где находится он сам со своим отрядом, никому не было известно. Он был один из самых подвижных генералов, и уследить за ним не было возможности.

В Саймацзы идет из Ляояна большая этапная дорога, но есть и другая, более кружная, через Ляншангуан, где были расположены передовые части Восточного отряда. Келлер предложил мне ехать с ним вместе до Ляншангуана, а оттуда до Саймацзы обещал дать конвой. Я был рад отсрочить на несколько дней разлуку с другом и товарищем детства, к которому был горячо привязан; меня, кроме того, интересовало видеть позиции будущих боев при наступлении японцев из Фынхуанчена на Ляоян.

Мы должны были выступить послезавтра; времени оставалось немного, а работы была масса.

Я узнал, что у генерала Ренненкампа колесного обоза совсем не было, поэтому приходилось расстаться, по крайней мере, с половиной привезенного багажа. Отложив все запасы в сторону, оставалось еще много вещей, которых нельзя было уложить во вьючных чемоданах, а между тем, это все казалось необходимым. Куда девалась моя опытность прошедшей Турецкой кампании, где все мое имущество поме-

щалось на одном муле, а когда я ехал в Ахал-Теке²², то имел только одну лошадь, на которой сидел сам. Зная пристрастие Скобелева²³ к щегольству, я вез, тщательно свернутую в трубку, одну накрахмаленную рубаху только для первого представления и произвел желанный эффект: «Что вы, с собой возите прачку?» – сказал мне Скобелев и не хотел верить, что у меня не было отдельного व्यюка.

Наконец удалось мне съездить в Ляоян; я в первый раз был в китайском городе, и все меня интересовало: пестрота и красочность вывесок, флагов, художественная золоченая и расписная резьба по дереву над входами в магазины. «Бабушки», или «мадамы», как китайцы называют по-русски своих женщин, густо нарумянены во всю щеку, нарумянены даже маленькие девочки. Главное у них щегольство в замысловатой прическе, заканчивающейся вверху металлической бабочкой или другим украшением. По понятиям ев-

---

²² Имеется в виду участие А. В. Квитки в Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг. – операции русских войск под командованием генерала М. Д. Скобелева (около 7 тысяч человек), проведенной с целью покорения туркменских племен текинцев.

²³ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – генерал от инфантерии (1881), генерал-адъютант (1878). Участник Туркестанских походов (1873 и 1875–1876), военный губернатор Ферганской области (1876–1877). Во время Русско-турецкой войны (1877–1878) командовал Кавказской казачьей бригадой во время 2-го штурма Плевны и отдельным отрядом при овладении Ловчей. Участвовал в блокаде Плевны и зимнем переходе через Балканы, сыграв решающую роль в сражении при Шейново. В феврале 1878 г. занял Сан-Стефано под Стамбулом. Руководил Ахалтекинской экспедицией (1880–1881), в ходе которой была завоєвана Туркмения. Пользовался огромной популярностью в армии и обществе.

ропейца, они все уродливы, но я видел в горах Маньчжурии стройных девушек с чисто арийскими, красивыми чертами лица.

Лавки, выходящие на улицу, бедны. Дорогие меха, старинный фарфор и бронза, ювелирная работа, между которой особенно славятся подвесы и художественные безделушки из яшмы, оникса, аметиста, горного хрусталя, каких-то розовых и молочно-зеленых камней горной породы; одним словом, все, что может привлечь внимание любителя и знатока в искусстве, хранится у богатых «купезов» — купцов — в сундуках, ящиках и разных тайниках, откуда они вынимают их и показывают покупателю с некоторою осмотрительностью. Они, вероятно, прячут этот ценный товар из боязни быть ограбленными чиновными или профессиональными хунхузами. Найти такого «купеза» можно только с проводником. Они живут обыкновенно в глухих закоулках, в богатых фанзах внутри запертого двора.

Почти все корреспонденты сходятся в мнении, что нигде нельзя в мире найти такой грязи и вони, как на улицах и в жилых помещениях китайцев. Кто бывал в Италии и на Ближнем Востоке, должен сознаться, что даже в больших городах, как Константинополь, Неаполь и Венеция, имеются улицы, которые относительно грязи и вони могут оспаривать пальму первенства с любым городом Китая.

У генерала Куропаткина обедал полковник Липовац Попович, черногорский доброволец, «допущенный до коман-

дования» 22-м Восточно-Сибирским стрелковым полком, вместо полковника Громова, отрешенного от командования за Тюренченское дело.

Липовац прибыл в армию с целой ватагой черногорских головорезов; он говорил, что таких разведчиков нет в мире: расположившись на вершинах гор, они переговариваются, подражая крику разных птиц и зверей, передавая таким образом о всех действиях неприятеля. Слышал я потом о личных подвигах Липоваца, но о его команде не слышал ничего. Едва ли в современных войнах, где стреляют с двух-, трехверстного расстояния бездымным порохом, возможно ожидать каких-то чудес от разведочных приемов Запорожья. Это, может быть, еще пригодно в борьбе между храбрыми, но невежественными четами в горах Балкан, но борцы двадцатого века, японцы, предпочтут этим примитивным приемам сигнализацию гелиографами, электрическими лампами и будут передавать получаемые сведения, не подражанием крику совы, филина или сыча, а по телефону, проведенному по всем направлениям как паутина.

За обедом командующий говорил, что он будет относиться одинаково строго к старшим, как и к младшим начальникам и, обращаясь к Келлеру, с улыбкой добавил: «Я буду отрешать от должности даже корпусных командиров». Мы знали, что почин в этом отношении уже сделан, и к нему отнеслись сочувственно во всей армии. На войне еще более, чем в мирное время, надо заменять бездарности теми, кто

проявил выдающиеся способности.

2 мая. В управлении военных сообщений Келлер купил трех мулов по сто двадцать рублей каждого, одного он уступил мне. Лошадей обещал мне доставить князь Урусов, адъютант командующего армией, но до сих пор их нет; я искал лошадей на базаре, куда их приводили на продажу, но не нашел ни одной подходящей.

По поручению Келлера ездил в Ляоян покупать провизию и вино. Очень недурное французское красное вино местного разлива стоило один рубль за бутылку. Говорили, что в Порт-Артуре иностранные вина продавались удивительно дешево: настоящее шампанское можно было иметь по три рубля за бутылку.

В последний раз мы обедали у командующего. Он сказал мне при прощании: «Желаю вам счастливого пути и успеха, берегите себя, не рискуйте, вы мне нужны для командования. Мне было бы очень жаль, если бы вас ранили, такие офицеры, как вы, нам дороги».

3 мая. С утра шел проливной дождь. В восемь часов подвели к нашему вагону монгольскую лошадь чалой масти*, уступленную мне Треповым, сжалившимся над моим бедственным положением. Через полчаса привели другую лошадь от Урусова, вороную. Первую я купил за 150 рублей, вторую – за 140. Обе сослужили мне хорошую службу.

Всегда трудно укладываться и выучить в первый день выступления, но в дождь это просто мучительно. Денщик Кел-

лера, Федор, все путал, брал мои вещи вместо своих, — он был так бестолков, что только мешал, вместо того чтобы помогать.

Кроме трех купленных нами мулов под выюки, начальник управления военных сообщений разрешил Келлеру взять три казенные двуколки для отвоза наших вещей до места расположения Восточного отряда. Часть багажа я отправил в Харбин на предъявителя квитанции. Квитанция эта затерялась, и я только в ноябре, и то случайно, разыскал свои вещи, отправленные в мае. За хранение приходилось уплатить сто сорок рублей, но управление Китайской восточной железной дороги сложило с меня этот платеж, принимая во внимание, что я находился на передовых позициях и не мог лично заняться розыском своих вещей.

Мы тронулись в одиннадцать часов утра вместо назначенных восьми, не дождавшись транспорта, который Федор никак не мог наладить. Дождь лил как из ведра, грязь была невылазная.

Келлер ехал впереди на красивой лошади генерала Куропаткина, уступленной ему временно, до прибытия его лошадей из России. Эта лошадь была подарена Куропаткину государем.

Чалая масть — рыжая, вороная или бурая с примесью белых волос.

Вместе с нами ехали военные агенты: германский — майор барон фон Тетау; шведский — Никвист; норвежский — Эд-

лунд; болгарский – Пападопов и итальянский морской агент капитан Камперио. Отойдя пять верст, мы остановились в ожидании обоза, который подошел только к двум часам. Дорога шла равниною, распаханною на всем пространстве. На двенадцатой версте вошли в горы; здесь тоже каждый клочок земли обработан, даже в таких местах, куда трудно было забраться.

Под старыми корявыми деревьями с разбросанными далеко в стороны ветвями ютились маленькие кумирни, сложенные из дикого камня; в них приносятся жертвы богам земледелия: щепотка рису или сожженные лоскутки бумаги с молитвами должны обеспечить успех урожая. Большие кумирни, с фанзами для бонз²⁴, расположены всегда в особенно живописных местах: на отдельном холме, над крутым утесом, окруженные пышно разросшимися деревьями.

Пришлось остановиться на ночлег в деревне Цаолинцзы, на полуэтапе, потому что наш обоз отстал на перевалах. Переход был всего в двадцать четыре версты, дорога хорошо накатана, перевалы невысокие и некрутые, а, между тем, наш легкий обоз, вышедший из Ляояна в одиннадцать часов утра, пришел на место поздно ночью и то благодаря распоряжительности начальника транспорта; чего же можно было ожидать при движении в распутицу грузного войскового обоза?

На полуэтапе войска, парки, обозы расположились поневоле на распаханых полях, превратившихся после послед-

---

²⁴ Бонзы – европейское название буддийских священнослужителей (монахов).

них дождей в сплошные болота. Лазареты помещались в самой деревне, в обширных дворах.

Нам была отведена фанза, вмещавшая свободно до двадцати офицеров. Чуть не утопая в грязи, рискуя оставить в ней не только калоши, но и сапоги, мы пробрались в ресторан, где нас накормили роскошным обедом. Рядом с буфетом была открыта лавочка; в ней продавались консервы, прекрасные иностранные вина, жестяная и луженая посуда и самый необходимый предмет в походе – эмалированные кружки для чаю²⁵.

Возвращаться ночью по грязи было отвратительно. Кто не имел кровати, расположился на канах, широких нарах вдоль стен фанзы. Каны служат для отопления фанзы зимою: под ними проведены дымовые трубы из очагов с большими котлами, в которых манзы варят себе пищу. Когда холодно, спать на этих лежанках довольно приятно, если имеешь толстый войлок или бурку, чтобы подложить под себя; но случилось летом засыпать, после утомительного похода, не удостоверившись, что кана не топлена, и быть вдруг разбуженным от нестерпимого жара; когда все места заняты, а на полу грязно, не знаешь, куда деваться.

Келлер улегся на свою складную кровать, особенно рекомендованную фабрикантом, и посмеивался надо мною, что я оставил свою в обозе и должен был спать на голых досках. Продолжая болтать, я подсел к нему на кровать, вдруг что-

---

²⁵ Офицеры и казаки подвешивали их к передней луке седла. – *Примеч. автора.*

то затрещало, и мы оба оказались на полу. Очередь смеяться настала для меня.

Тяжелой казалась мне эта первая ночь в походе: мне было так жестко, несмотря на подосланную бурку и все, что попало под руку, что все члены болели, и я не мог спать. Я думал тогда, что мои старые кости никогда не привыкнут к этой пытке²⁶.

Десяток офицеров храпели во всю мочь, а когда стало светать, мухи, ужасные маньчжурские мухи, извели меня вконец.

4 мая. Обоз вышел в восемь часов, а мы – в десять. С непривычки узкое черкесское седло с короткими стремянами, купленное в Конвое Его Величества, показалось мне очень неудобным, и я чувствовал себя совершенно разбитым после вчерашней езды. Другое седло, подаренное мне одним приятелем, хотя тоже черкесское, оказалось гораздо лучше первого, и впоследствии, при переходах переменными аллюрами, я его предпочитал седлу драгунского образца.

Погода прояснилась, приятно было сбросить с себя тяжелые дождевики, мало предохраняющие от проливных дождей. Самыми практичными и действительно не промокающими оказались плащи из простой палаточной парусины, изготавливаемые у Кебке в Петербурге.

---

²⁶ К счастью я ошибался: скоро затем я потерял свою кровать и всю кампанию пришлось спать на канах или на земле, с одной буркой для подстилки и так я привык к этому, что меня не тянуло лечь на матрац. – *Примеч. автора.*

Нам встретились сестры милосердия, ехавшие на двуколках Красного Креста. Бедные сестры, на какой трудный самоотверженный подвиг они пошли; мне было невыразимо грустно думать, что скоро и моей жене придется нести эту тяжелую и опасную службу. Военные, служащие в строю, могут быть ранеными или убитыми только в бою или в перестрелках с неприятелем, чего не бывает непрерывно, а сестры, ухаживая за больными, постоянно подвергаются опасности заразиться инфекционными болезнями и, кроме того, они не имеют отдыха никогда.

Несколько раз переправлялись через реку – неглубокую, но с довольно быстрым течением. Сидевшие на маленьких лошадях местной породы должны были подгибать ноги, чтобы не замочить их.

В полдень пришли в Ляндансян и остановились у расположения штаба Восточного отряда. Граф Келлер прошел к генералу Засуличу; пробыв у него некоторое время, он вышел с ним вместе и представил ему прибывших с нами военных агентов.

Палатки наши были разбиты около штаба отряда, на площадке, огороженной с двух сторон загрязненной солдатами стеной, с третьей – дорогою; выход был только один, через вонючую лужу. Говорили, что лучшего места нельзя было найти. Рядом с нами расположились в палатках: ординарец графа Келлера хорунжий Нарышкин, бывший лейб-гусар и Камперио, а по другую сторону – остальные военные аген-

ты. Все они говорили более или менее правильно по-русски. Тетау пробыл несколько месяцев в Киевском округе. Его, говорят, очень ценил генерал Драгомиров²⁷. Переведенные на русский язык статьи Тетау о наших войсках печатались в «Русском инвалиде».

У Камперио со времени Китайской войны 1900 г. служил китаец «бой»²⁸. Хотя распоряжением по армии было воспрещено брать китайцев в качестве прислуги, во избежание шпионства, но для Камперио было сделано исключение ввиду ручательства его за благонадежность «боя».

Впрочем, это распоряжение полевого штаба, как и многие другие, не только не соблюдалось, но даже не было известно во многих частях.

«Бой» говорил немного по-итальянски и поэтому сошелся с моим поваром Пепино. Камперио тоже благоволил к Пепино, не только как к соотечественнику, но и как к собрату по кулинарному искусству, – он готовил недурно и взялся даже кормить коллег – военных агентов. Только что были разбиты палатки, Камперио вырыл в земле походной лопатой неболь-

---

²⁷ Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905) – генерал от инфантерии (1891), военный теоретик и педагог. Участник Русско-турецкой войны (1877–1878), успешно руководил переправой у Зимницы и действиями при обороне Шипки. В 1878–1889 гг. – начальник Николаевской академии Генерального штаба. С 1889 г. – командующий войсками Киевского военного округа. Автор «Учебника тактики» (1879), который свыше 20 лет был основным пособием в Академии Генштаба.

²⁸ Англ. boy – мальчик, слуга.

шую яму, обложил ее камнями, и получилась печь с отличной тягой. Пепино последовал его примеру, и скоро стал доноситься до нас аппетитный запах готовившегося ужина; это было тем более приятно, что мы очень скверно позавтракали у местного маркитанта²⁹.

У Пепино, никогда раньше не ездившего верхом, оказались неожиданно кавалерийские способности. Келлер сам признавал, что он подавал надежды сделаться со временем лихим наездником.

Генерал Кашталинский³⁰, командовавший войсками под Тюренченом, рассказывал Келлеру, что ему было приказано принять бой, но дальнейших распоряжений он не получал, что резервы, стоявшие в семнадцати верстах сзади, не были выдвинуты вперед, вследствие чего войска понесли громадные потери и вынуждены были бросить орудия.

Когда после целого дня жестокого Тюренченского боя отряд отходил назад через узкое ущелье, над ним, на сопках, вдруг появились японцы. Ожидалось, что прекратившийся бой возгорится опять, но тут произошло что-то совсем непо-

---

²⁹ Маркитанты – мелкие торговцы, сопровождавшие войска в походах. Со времени появления постоянных армий и до формирования системы регулярного снабжения войск (в XVIII в.) играли ключевую роль в бытовом обеспечении военнослужащих. Существовали до начала XX в. Деятельность маркитантов регламентировалась специальными инструкциями и уставами.

³⁰ Кашталинский Николай Александрович (1849–1917) – генерал от инфантерии (1908). Во время Русско-японской войны в чине генерал-лейтенанта командовал 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизией.

нятное: вместо того чтобы открыть огонь по отступающим, японцы по команде своих офицеров прокричали три раза «ура». Что это значило: насмешка ли, торжествующий клик победителей или знак одобрения противнику, мужественно сражавшемуся против сил во много раз его превосходящих? Мы продолжали отступать в полном порядке, а японцы глядели на нас, вскрывали коробки с консервами и ели.

Вечером долго беседовал с Келлером симпатичный начальник штаба Восточного отряда полковник Орановский³¹. Он еще молод, хотя волосы уже поседели. Келлер имел о нем очень высокое мнение.

5 мая. После вчерашнего дождя температура понизилась, ночь была холодная, под утро было только четыре градуса тепла. Я в первый раз обновил полученные из Парижа палатку и кровать. Раздеваться было холодно, но внутри спального мешка совсем тепло. Под рукой висел провод большой электрической лампы. Я давно не пользовался таким комфортом и чувствовал себя совсем как дома. Утром внутри палатки я мог основательно помыться в большой резиновой ванне.

---

³¹ Орановский Владимир Алоизевич (1866–1917) – генерал от кавалерии (1914). Во время Русско-японской войны в чине полковника был начальником штаба Восточного отряда, затем в чине генерал-майора (с июля 1904), занимал должности генерал-квартирмейстера 1-й Маньчжурской армии (с ноября 1904), генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии (с марта 1905). Во время Первой мировой войны – начальник штаба Северо-Западного фронта (1914–1915), командир 1-го кавалерийского корпуса (1915–1917), 42-го отдельного армейского корпуса (1917).

Такая ванна крайне необходима в походе, в особенности зимой. Камперио купался на дворе в вырытой «боем» яме: он вложил в яму большое полотно из резиновой материи, налил в нее воду, вот и ванна готова. Видно, человек бывалый – он всегда и везде умел приспособиться.

Против нас была расположена биваком обозная команда; оттуда были вызваны солдаты, чтобы вычистить нашу площадку, выпустить воду из соседней лужи и разобрать стену для более удобного выхода.

Генерал Засулич уехал в коляске в сопровождении нескольких лиц штаба 2-го корпуса, которым он раньше командовал. Из приказа по армии стало известно, что он опять вступает в командование этим корпусом.

Графу Келлеру предложено, по телеграфу, представить кандидата на командование 22-м полком. Липовац должен был возвратиться в Ляоян.

Наши лошади голодали со вчерашнего дня, было жаль на них смотреть. Только сегодня утром было подвезено несколько возов старого полусгнившего гаоляна, на который они набросились с жадностью. Зерна совсем не было.

Нас удивляло, как это при штабе большого отряда не имелось фуража. Не оттого ли у нас неудачи, что не только нет распорядительности, но даже неизвестно, кому следовало бы распорядиться и на кого возложить ответственность? Не в одном только железнодорожном ведомстве за все расплачивается стрелочник, т. е. самое безответное лицо.

Утренний завтрак, какао и яйца всмятку, был подан в палатке Келлера; она очень просторна, в два отделения, в одном помещалась его кровать, в другом, у входа, был стол и два складных стула.

Нам подвели коней, и мы выехали в сопровождении чинов штаба отряда и военных агентов для осмотра позиции.

Главная позиция находилась верстах в двух позади расположения войск. В случае стремительного нападения неприятеля обозы, парки и лазареты могли бы оказаться в опасном положении.

Поперек долины протянулся хребет, представлявший естественную позицию, очень выгодную для обороны. Построены на ней редуты, батареи, окопы для стрелков, проведены дороги для подвоза и спуска орудий и снарядов. Одним словом, позиция была выбрана и укреплена на славу и могла бы оказать нападающему почти неприступную преграду. Вопрос только в том, пойдет ли он на нее. Эта позиция, как и все другие, могла бы быть обойдена, и тогда все труды на ее укрепление пропали бы даром. Из этого, конечно, не следует делать вывода, что надо пользоваться естественными преградами движению неприятеля, но укреплять их не стоит. Напротив: надо использовать все средства, чтобы отбросить нападающего или, по крайней мере, задержать его. Но это едва ли удастся, если мы ограничимся укреплением только одного облюбованного нами прохода, полагая, что неприятель пойдет именно туда, а не мимо.

Укрепленная позиция не крепость, где войска могут продержаться долго и будут отвлекать часть сил противника. Когда она обойдена, надо спешить ее бросить, потому что для обороны она более не годится.

Мы проехали на батарею по дороге, разработанной саперами и командами войск Ляндансянского отряда.

В нашем присутствии втянули туда одно орудие, на что потребовалось тридцать минут, спустили же его шесть солдат на лямках прямо с кручи в двенадцать минут. Этим доказывалось, что при отступлении орудия могут быть вывезены быстро.

По узкому гребню горы мы пешком пробрались на правофланговую позицию. Лошадей вели в поводу.

Здесь хребет раздваивался: вправо он сливался с цепью гор, граничащих с долиною, ведущей в Ляоян, влево хребет спускался к востоку, в сторону Фынхуанчена. На скрещении гребней было возведено три редута. Восточный, передовой отрог, предполагалось укрепить уступами в несколько ярусов, что давало бы большую интенсивность огня.

Недостаток такого расположения окопов состоял в том, что путь отступления из них поднимался в гору, по открытому со всех сторон склону, т. е. под выстрелами неприятеля.

Граф Келлер удивлялся, что левый фланг главной позиции упирался в долину, по которой пролегла дорога из Фынхуанчена в Ляоян – путь наступления японцев, а не было обращено внимания на высоты левее, по ту сторону доли-

ны, откуда наши укрепления могли бы быть обстреляны с тыла. Было решено завтра осмотреть эти высоты, узнать, доступны ли они для артиллерии, и определить, как привести их в оборонительное состояние. Сложные и дорогостоящие инженерные работы приказано прекратить и ограничиться устройством окопов для пехоты. Нам передавали, что генерал Засулич позиции не осматривал.

Мы вернулись на бивак в пять часов дня и отправились обедать в общую столовую штаба отряда, которой заведовал подъесаул граф Комаровский. Ужинали дома, т. е. в палатке Келлера. Нам предстояло скоро расстаться, и мы рассчитывали провести этот вечер одни, но не успели мы окончить ужина, как послышался голос Комаровского, просившего позволения зайти. Он приходил просить, чтобы его назначили комендантом отряда. После него пришел полковник Абациев, старый приятель, с которым мы были рады повидаться. Он недавно принял Уссурийский казачий полк и рассказывал нам о службе в отдельной бригаде полковника Карцева. Они были почти бессменно заняты разведочной службой, и поэтому лошади были приведены в ужасное состояние. Абациев в особенности жаловался на состав полков 2-й очереди: нижепредельные казаки не имели никакой боевой подготовки, кто не умел стрелять до поступления на службу, не научился ничему, так как их заставляли выпустить десять, двенадцать пуль, и этим обучение стрельбе ограничивалось. Не попавший в цель ни одной пули не будет стрелять

успешнее в бою.

Келлер обещал осмотреть внимательно его полк завтра и о всем замеченном передать на усмотрение командующего армией.

6 мая. По случаю дня рождения государя императора назначен был церковный парад 7-му, 10-му, 11-му и 12-му Восточно-Сибирским стрелковым полкам. Войска были построены в каре среди широкой долины, окруженной горами. Как везде в Маньчжурии, приходилось становиться и маршировать на вспаханном поле, так как нельзя было найти в одном куске ста квадратных сажен необработанной земли.

У аналоя стояли два священника и хор певчих солдат с ружьями.

Несмотря на то, что эта часть Маньчжурии на одной параллели со средней Италией и был май на дворе, здесь было еще настолько свежо, что войска вышли в мундирах.

Офицеры – вне строя в сюртуках при шарфах.

Граф Келлер в форме стрелков Императорской фамилии подъехал галопом на царской лошади, поздоровался с войсками и поздравил их с праздником. Он сидел молодцом и, несмотря на его пехотный мундир, было видно, что он кавалерист не случайный, а настоящий.

Вспомнились мне года молодости: еще в Пажеском корпусе Келлеру как лучшему ездоку давали в манеже тряскую и довольно трудную в езде кобылу Викторию, затем в Кавалергардском полку он был в числе хороших ездоков.

Келлер слез с лошади и подошел к месту церковного служения. Напротив стояли знаменщики присутствующих на параде войск. Началась служба.

Во время богослужения при боевой обстановке присутствующими овладевает особое настроение – неодинаковое для всех: истинно верующих молитва укрепляет, дает им подъем духа, у них выражение лица торжественное, чуть ли не радостное; другие молились усердно, клали земные поклоны, но успокоения молитва им не давала, потому что они боялись смерти и молились о сохранении жизни, забыв слова молитвы Господней – «Да будет воля Твоя». Как часто приходится видеть людей, сокрушающихся, по-видимому, о чужом горе, тогда как в действительности им жалко только себя при мысли, что им тоже придется умирать или переносить личное горе. Тут были тоже настоящие воины, готовые на самопожертвование, они глядели смело вперед, не тревожимые мучительными опасениями. Но большинство безучастно – как будто равнодушные ко всему, они верят в предопределение и переносят безропотно самые тяжелые испытания, – для них существует поговорка: «Двум смертям не бывать, одной не миновать».

Было пропето многолетие. Граф Келлер и за ним все офицеры приложились к кресту. Духовенство, в сопровождении начальствующих обходило войска и окропляло их святой водой, а батальон за батальоном подхватывал целым хором: «Спаси, Господи». Это было торжественно и производило

сильное впечатление.

После выпитой чарки за здоровье государя, государынь, наследника и командующего армией граф Келлер пропустил парад церемониальным маршем и затем направился смотреть Уссурийский полк. Одной сотне приказано расседлать коней: они имели действительно истощенный вид, а спины были сбиты почти у всех. На опросе казаков оказалось, что большинство не умело стрелять, ни владеть шашкой, они не знали ни конного, ни пешего строя. Офицеры были недостаточно подготовленными. А между тем Абациеву предстояло сегодня же выступить в поход и идти усиленными переходами на юг для выполнения особой задачи.

Келлер вызвал вперед офицеров и передал им, что он требует постоянного и самого внимательного наблюдения за всесторонней подготовкой казаков к боевой службе. Абациеву же он сказал, что в случае нерадения или неспособности сотенных командиров он ему вменяет в обязанность для пользы службы сменять их и назначать временно командующих, хотя бы и младших чином.

Переодевшись, мы поехали осматривать замеченные вчера высоты на левом фланге главной позиции. Дорога, по которой могла бы свободно следовать артиллерия, проходила параллельно главному этапному пути от Ляояна на Фынхуанчен, около двух верст к северу. Подъем на горы был не слишком крутой и также доступен для артиллерии.

Поднимаясь вдоль ручья вверх по ущелью, мы согнали

медведя; молодые офицеры захватили винтовки у казаков и бросились за ним в погоню, но успеха не имели: в сплошном кустарнике можно было найти зверя только с собаками или выгнать его на чистое место облавою.

Мы выбрались на вершину гор и очутились позади нашей главной укрепленной позиции. Несколько орудий, поставленных в этом месте неприятелем, могли бы сбить наши батареи с тыла и обстреливать путь отступления.

Решено было расширить и улучшить существующую дорогу и провести новые для передвижения войск и артиллерии и занять вершину высот тремя горными орудиями (имелось их только пять, старого образца, из которых два было подбито); гребни высот должны были быть заняты стрелками, имевшими за собою на полугоре частные резервы; были намечены места для главных резервов, готовых во время боя двинуться, куда потребовались бы подкрепления, и на обходы неприятеля отвечать охватами его флангов, что Келлер называл активной обороной. Не имея численного превосходства, было необходимо встречать густые цепи японцев, какими они атаковали нас под Тюренченом, хотя бы слабыми цепями стрелков, но защищенных окопами, и выдвигать впереди наших флангов сильные части для предупреждения обходов. Противника надо было атаковать настойчиво свежими резервами, когда он будет истомлен упорством защиты, израсходует патроны, и покажутся признаки ослабления.

Мы спешили, спустились напрямик по крутому обры-

ву и вернулись на бивак. По дороге нам встретился начальник инженеров генерал Величко³², прибывший из Ляояна для осмотра инженерных работ на позициях.

Вечером собрались у Келлера на совещание генералы Величко и Кашталинский и полковник Орановский.

В Ляндансяне водки не было, ее привезли из Ляояна к сегодняшнему празднику. Вечером в лагере горели костры, раздавалась музыка и пение. У офицеров, бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища, чествовался в местном ресторане храмовый праздник училища: там тоже песенники, играла полковая музыка, кричали «ура», туши чередовались маршами, – веселье продолжалось за полночь.

7 мая. Полковник Орановский сообщил мне, что между Ляншангуаном и Саймацзы не было связи, поэтому ехать этим путем с кладеями было бы рискованно, следовало мне возвратиться к полуэтапу и оттуда свернуть на Аньпин, первый этап на главной дороге из Ляояна в Саймацзы.

---

³² Величко Константин Иванович (1856–1927) – инженер-генерал (1916). Во время Русско-японской войны в чине генерал-майора состоял в должности генерала для особых поручений при командующем Маньчжурской армией (с октября 1904 – главнокомандующем сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии). В начале Первой мировой войны – в распоряжении главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, затем начальник инженеров 11-й армии, осуществлявшей осаду Перемышля (1914–1915), начальник инженеров Юго-Западного фронта (с 1916). После Февральской революции 1917 г. – полевой инспектор инженерной части в Ставке верховного главнокомандующего. В 1918 г. добровольно вступил в Красную армию. С 1923 г. – профессор Военно-инженерной академии в Ленинграде. Автор многих научных трудов по фортификации.

Жаль было отказаться от поездки с Келлером до Ляншангуана, но я торопился в полк, а Келлер ожидал завтра командующего армией и не был уверен, что ему удастся в скором времени посетить свой передовой отряд. Я решил выехать завтра и предупредил о том Эдлунда, который тоже собирался в отряд генерала Ренненкампа.

Был у меня подполковник 11-го стрелкового полка Шипов, талантливый рисовальщик, которого я знал в Париже, когда он состоял там при посольстве.

Мы с Келлером ужинали вдвоем; он снова повторил, что очень желал бы иметь меня в своем отряде, потому что он дорожил мною не только как другом, но также как начальником части, на которого мог вполне положиться. Долго продолжалась наша беседа, и мы были оба очень взволнованы при прощании.

8 мая. При последнем прощании с Келлером мы не могли выговорить ни одного слова, — нам, может быть, не суждено было более встретиться.

Мы выступили в 9 часов утра, а в Соялинцзы были в половине двенадцатого. Все войска, расположенные на полуэтапе, были в сборе и ожидали приезда командующего. Наконец появились гонцы, дозоры, взвод казаков и за ними командующий в коляске, довольно медленно подвигавшейся по испорченной последними дождями дороге.

Мы хотели обедать, но ресторатор просил нас обождать отъезда командующего, которому он подавал завтрак в от-

дельной фанзе. Командующий завтракал недолго, и когда он уехал, генерал барон Иксюль пригласил нас перейти обедать в эту фанзу и угостил нас превосходным рейнвейном, найденным у местного маркитанта; таким вином не побрезговали бы самые взыскательные знатоки.

От Соялинцзы дорога шла по долине Танхэ («хэ» по-китайски – река), горы здесь невысокие. Довольно часто встречались деревни, обсаженные плакучими ивами и раскидистыми акациевидными деревьями.

Под тенью мощно разросшихся деревьев у живописных крепостных ворот Аньпиня стояла пестрая толпа китайцев. Этапный комендант отвел нам квартиру у богатого купца Тифунтая. Тифунтай в Маньчжурии знаменитость – он нажил большое состояние во время Китайской кампании 1900 года поставками разного рода довольствия нашим войскам, исполняя вполне добросовестно принятые на себя обязательства. Нам не пришлось тогда терпеть тех злоупотреблений, которыми отличалась пресловутая компания Коган, Грегер и Горвиц во время Турецкой войны. Говорили, что генерал Куропаткин оказывал Тифунтаю особый почет, принимал во всякое время и вполне ему доверял. Тифунтай тоже не оставался в долгу и не раз оказывал ценные услуги войскам. Он имел склады товаров и магазины во всех городах и крупных торговых центрах Маньчжурии. Его фанзы и лавки в Аньпине окружены высокой каменной стеной с бойницами, как

настоящая импань³³. Внутри двора, устланного каменными плитами, стояли рядами цветы в кадках и горшках; оконные рамы во всю стену сделаны из тонкого деревянного переплета разных рисунков и оклеены бумагой, вместо стекол.

Пепино ознакомился в первый раз с устройством китайских кухонь; очаги он находил удобными, но относился с большим презрением к тому, что в них готовили китайцы.

Ночью я был разбужен дракой стада свиней под моим окном: топтанье, хрюканье, визг продолжались до рассвета. Все дело в привычке. Уличный шум Парижа ночью, где движение почти непрерывное, меня несколько не беспокоил, а лай собак, крик петухов, мычание, ржание, блеяние разных домашних животных не давали мне спать.

9 мая.

---

³³ Импань – китайское укрепление, группа построек для войск, обнесенных валом и глинобитной стеной с бойницами и башенками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.